

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Ветер теплый, но сильный. Высокие сосны покачиваются, их макушки царапают голубой купол неба. В душе сквозняк, сердце бьется, как форточка на ветру, — хлестко, враздробь. В мыслях путаница, в чувствах смешение. Не по себе Михаилу Жилкину, пальцы нервно теребят верхнюю пуговицу на рубашке. А в голове вопрос — зачем он здесь, на этом судилище, которое может закончиться смертельным выстрелом?

Но в то же время Жилкин не мог не находиться тут, на месте возможной казни. Во-первых, это двор его дома. Во-вторых, он говорил с Ильей Замятовым, просил его отступить от проекта, который достался ему несправедливо, но тот лишь посмеялся над ним.

Зато сейчас Илье не до смеха. Паша Горохов умеет внушать и убеждать. Одна его физиономия чего стоит — грубые, тяжелые черты лица, массивные надбровья, слегка примятый, ударопрочный нос. Взгляд резкий, пронизывающий.

Илья стоял перед ним на коленях, а он смотрел на него сверху вниз, как ястреб на свою жертву. Клюв у него уже нацелен на удар. Ствол пистолета давит Замятову на голову, палец шевелится на спусковом крючке.

Освободиться жертва не может. Телохранители Горохова держат Илью крепко. Тюлень и на вид мощный малый, и на поверку силы у него в руках немерено. И Филат ему под стать.

— Ты хорошо подумал, мужик? А то с того света обратных билетов не продают. — Улыбка у Горохова хищная, взгляд пронизывающий насквозь.

Черная шелковая рубашка на нем расстегнута до пупа, золотой черненый крест на толстой цепи запутался в поросли волос на груди. Он вел себя непринужденно, раскрепощенно, не позировал, но выглядел очень внушительно.

Хотел бы Жилкин выглядеть таким же крутым, как брат его жены, но пока это у него не получалось. Почему рубашка снова застегнута на верхнюю пуговицу, как у законченного ботаника? Он же давал себе слово!..

— Я ведь предложил вариант, — зажмурив от страха глаза, пробормотал Замятов. — Мы строим дорогу вместе.

— Без вариантов. — Горохов был неумолим. — Ты лишний в этом проекте.

— Но я же выиграл тендер, сам должен строить дорогу!

— Не должен.

— Но мы же можем строить эту чертову дорогу вместе!

— Если мы построим эту дорогу вместе, то ты с нее не сойдешь. Я на этой дороге закатаю тебя в асфальт. А если ты отсохнешь, так уж и быть, живи дальше. Все очень просто и понятно.

— Но так нельзя!

Горохов покачал головой, с сожалением глядя на жертву. Почему Замятов такой несговорчивый? Палец угрожающе шевельнулся на спусковом крючке.

— Да или нет?

— Нет! — Замятов уронил голову на грудь.

Жилкин очень хорошо знал своего шурина, поэтому зажмурился и лишь вздрогнул, когда прозвучал выстрел.

Он открыл глаза и увидел неподвижное тело. Замятов лежал на боку в безжизненной позе, под голову из дырки в затылке вытекала кровь.

Горохов поднес ствол пистолета ко рту, подул на краешек и с демонической улыбкой глянул на Жилкина. В душе Михаила как будто лопнул мешок с ледяной водой, холод хлынул вниз, к пяткам.

— Что, страшно? — с усмешкой спросил Горохов.

— Нет! — Жилкин не чувствовал под собой ног, но это не помешало ему податься назад.

— А то смотри, я сегодня за кассира. Могу и тебе прямой билет выписать.

— За что?

— Не за что, а для чего. Чисто для профилактики.

— Ты думаешь, что я кому-то расскажу? Да никогда!

— Уверен?

— Да век воли не видать!

Горохов удивленно вскинул брови, сверкнул взглядом и железными пальцами схватил Жилкина за щеку.

— Никогда так не говори. Ты даже не фраер, а никто, пустое место. Ты меня понял?

— Да.

— Смотри у меня! — Горохов отпустил Жилкина, пальцем показал на Филата, велел ему прибраться, а сам ушел.

Филат с Тюленем отправились за пленкой, в которую можно было упаковать труп.

Жилкин должен был уйти, но его ноги будто вросли в землю. Он смотрел на труп бывшего друга, который стал жертвой его корыстных интересов.

«И надо же было мне обратиться за помощью к Горохову?.. Лучше бы я переключился на другой проект, забыл о досадном проигрыше, — раздумывал Михаил. — Но было бы еще круче, если бы я сам наказал Илью за его наглость и упрямство. Еще за Лену неплохо было бы спросить. Я готов был жениться на этой прекрасной девушке, а Замятов оставил меня с носом. Лучше бы я сам сделал Лену вдовой.

Это не так уж и трудно. Берешь пистолет, наводишь ствол на врага и спускаешь курок. Для

Горохова нетрудно, поэтому он такой невыносимо крутой. Мне до него как до Луны. Или все-таки есть возможность дорасти до такого уровня? Для начала неплохо бы сделать лицо».

Жилкин расправил плечи, приподнял подбородок. Его физиономия разгладилась.

В этот момент ему на плечо опустилась женская рука. Он вздрогнул, пугливо дернулся, вытянулся в лице.

К нему подошла жена, ухоженная манерная женщина лет тридцати.

Она не сильным, но властным движением повернула его к себе лицом, с ехидной улыбкой заглянула в глаза:

— Ты что, испугался?

— Нет, — сказал Жилкин, пытаясь стряхнуть с себя растерянность.

— Я все видела. Ты испугался.

Она смотрела на мужа, как придирчивый мужчина на красивую девушку с очевидными признаками умственной недоразвитости. Вроде и восхищаться есть чем, и страсть всколыхнулась, но минусы так явственно перевешивают плюсы, что вызывают презрительную усмешку. Алла Жилкина презирала мужа за его природную трусость, и он это понимал.

— Я не испугался! — В его голосе скрипнула истеричная нотка.

— Теперь ты понимаешь, как настоящие мужчины решают дела?

— Это слишком жестоко, — сквозь зубы процедил Жилкин.

— Не будь размазней! — Алла зажеманилась, плавным кошачьим движением притерлась к мужу, облизнула его своим телом и направилась к дому.

Жилкин зыркнул ей вслед, повернулся к трупу и направил на него воображаемый пистолет. Он не хотел выглядеть размазней в глазах жены.

Лето в Подмосковье не жаркое, но все равно это не лучшее время для бронежилета. Носить его под свитером или курткой еще куда ни шло, а под пиджаком или даже под рубашкой — ни в какие рамки. И неудобно, и толстит. К тому же у пули есть запреградное воздействие, которое доставляет дикую боль и даже убивает.

А что такое боль от пули в живот, майор Архаров знал прекрасно. Еще свежи воспоминания...

Он вздохнул, глядя на себя в зеркало, с трудом снял пиджак, расстегнул рубаху, стянул бронежилет, провел рукой по животу, из которого зимой доктора вытащили бандитскую пулю. Майор уже вышел на службу, работа продолжалась, в любое время можно было нарваться на отморозка с пистолетом. Пресс у него прокачан, мышцы в тонусе, но разве ж они остановят пулю?

Внешность у него достаточно brutальная, он умеет производить впечатление на криминальный элемент. Атлетическое сложение, жесткие черты лица, матерость в облике, прожженность во взгляде. Но именно это и могло сыграть с ним злую шутку.

Отморозок, которого Архаров преследовал зимой, испугался его, а потому не стал рисковать, надеяться только на свои быстрые ноги. Он схватился за пистолет и выстрелил. А мог бы просто убежать, потому как ноги у него действительно были быстрыми.

Архаров снял бронежилет, оделся, влез в наплечную сбрую, всунул в кобуру верный «ПММ» и вышел из кабинета.

В коридоре у Доски почета возился подполковник Званцев, помощник начальника УВД по работе с личным составом. Важный и напыщенный, как индюк. Волосы у него ершистые, торчком, да еще огненно-рыжие, как будто костер на голове горит.

Капитан Пирожников предлагал для оперативных выездов приобрести кабриолет, а Званцева использовать вместо водителя. Он мужчина крупный. Если будет высоко держать голову, то проблесковые маячки станут не нужны. А если Званцев начнет кричать «Берегись!» своим густым зычным голосом, то и на сирену тратиться не придется.

Званцев это услышал и обиделся. С тех пор он фуражку не снимает.

— Товарищ майор! — Помощник начальника кивком показал на свое творчество и осведомился: — Ну и как?..

— Очень хорошо!

Архаров зацепился за свою фотографию, глянул на физиономии подчиненных.

Капитан Бойков — краса и гордость отдела. Широкое прямоугольное лицо, волевой подбородок, сосредоточенный, обращенный в будущее взгляд. Орден Мужества на широкой груди.

Капитан Пирожников, отличный опер и очень непоседливый человек. На лице у него недовольное выражение. Как же так? В обычной обстановке он и минуту усидеть на месте не может, а фотография держит его в непрерывно статичном положении. Ужас!..

— Лучшие из лучших! Парни из нашего города! — с должностным пафосом выдал Званцев.

Архаров усмехнулся в ус и спросил:

— А на городскую доску вытащить не пробовали?

— На городскую? — Званцев задумчиво пощупал нос. — Лучших сотрудников?

— Да. И лучших секретных сотрудников тоже.

— Ну...

— Зайдите ко мне, Андрей Данилович, я вам список дам. Вдруг пригодится.

— Да, было бы неплохо.

Архаров открыл дверь в кабинет оперуполномоченных, переступил порог.

Только тогда Званцев спохватился:

— Секретных сотрудников?! Тьфу ты!..

Архаров сделал вид, что не услышал его.

В кабинете он обнаружил Пирожникова. Семен сидел за столом, явно порывался встать и куда-нибудь бежать. Его потуги сдерживала не очень молодая, но красивая женщина интеллигентного

склада. Она сидела боком к Архарову и не повернула к нему головы, когда он зашел.

Майор узнал ее.

— Елена Евгеньевна, да не грустите вы. Загулял ваш благоверный, с кем не бывает! — сказал Пирожников, локтем оперся на стол, уложил голову на ладонь.

Этим он как будто пытался удержать себя на месте, но поджарый зад сам по себе отрывался от стула. То привстанет Семен, то присядет.

— Мой муж не мог загулять, — мягко отрезала женщина.

Архаров присел на краешек стула, за стол, который находился у нее за спиной.

— Пока не загуливалось, не мог. А потом раз, и закутилось. Вы же знаете, все когда-нибудь бывает в первый раз.

Архаров поднялся из-за стола, выразительно посмотрел на подчиненного, взглядом показал на дверь:

— Семен!

Пирожников понял все правильно, но именно поэтому его поджарость потяжелела. Капитан едва отлепился от стула. Из кабинета он выходил без всякой охоты, хотя только что мечтал выпорхнуть из толстых стен на оперативную волю.

Архаров опустил за его стол и с приветливой улыбкой посмотрел на женщину.

— Елена Евгеньевна, вы же меня знаете. Начальник отдела уголовного розыска майор Архаров. Я перед вами в долгу. Вы могли бы сразу обратиться ко мне.

Замятова задумалась, погрузилась в глубины памяти, нащупала там знакомый образ, сверила с оригиналом и со смущенной улыбкой вытянула его наружу.

— Да, я вас знаю. Пулевое ранение в брюшную область.

— Болевой шок, остановка сердца. Вы меня с того света вытащили. Если бы не ваши золотые руки, кормил бы я сейчас червей.

— Ну что вы! Я всего лишь вытащила пулю.

— Что ж, тогда и я всего лишь найду вашего мужа. Или я неправильно вас понял?

— Да, у меня пропал муж. Его нужно искать. Он три дня не ночевал дома. На работе его нет, телефон не отвечает. Я все морги обзвонила. — Званцева достала из сумочки носовой платок, но к глазам его прикладывать не стала.

Нехорошее у нее предчувствие, но еще рано лить горючие слезы. Да и нет желания оплакивать мужа.

В боксе бьют руками, но удары идут от ног. Умеешь владеть ими, будет у тебя и маневренность. Михаил Жилкин умел бить, но ему далеко не всегда удавалось уходить от встречных ударов. Именно поэтому он и забросил занятия боксом. Еще в девятом классе.

Но сейчас ему ничто не угрожало. Боксерская груша — штука покладистая, ее можно колотить сколько угодно, и в ответ ни разу не прилетит. А бить он умел. Удар у него такой, что

порой сотрясались собственные головные полусария.

Дом у Михаила большой, со своим собственным спортзалом. Правда, Жилкину не каждое утро удавалось заставить себя встать на зарядку.

Удар, еще удар. Одиночный, двойка, тройка и снова двойка, но уже по корпусу.

— Bravo!

Жилкин остановился, услышав голос Горохова. Паша обычно спал до десяти, спортом, если случалось настроение, занимался после обеда. А сейчас утро. Что это с ним?

Горохов стоял в дверях на широко расставленных ногах и медленно, беззвучно хлопал в ладоши. Глаза заspanные, на губах пренебрежительная усмешка. Банный халат на нем, тапочки на босу ногу.

— Bravo! — повторил он, подошел к груше и громко хлопнул по ней ладонью. — Ловко ты! Бац-бац! До полусмерти бедную грушу забил. Она даже ответить тебе боится. А если я за нее заступлюсь? — Горохов подошел к окну, взял перчатки.

Жилкин предусмотрительно встал так, чтобы их разделяла груша.

— Как насчет спарринга? — Горохов надел левую перчатку, потянулся за правой.

— Я уже закончил.

— Это тебе так кажется.

— Я устал.

— Что, в штаны наделал?

— На работу надо собираться.

— Ничего, успеешь.

Горохов надел вторую перчатку, принял стойку.

— У меня сегодня встреча в администрации, — уныло сказал Жилкин.

— И что? — Горохов со всей силы ударил по груше.

Михаил невольно вздрогнул и пояснил:

— Серьезный разговор будет. Насчет дороги.

— Все равно не понял.

— А если ты мне синяк поставишь? Как с человеком говорить?

— Синяки украшают мужчину.

— А если Комаров подумает, что это Замятов меня ударил?

— Теперь понял. — Горохов стянул правую перчатку и отшвырнул ее в сторону.

— Я деловой человек, нельзя мне с разбитым лицом ходить. — Жилкин пытался, но не смог сдержать вздох облегчения.

— Я понял, Миша, кто ты такой. — Горохов презрительно усмехнулся. — Сказать? — Вторую перчатку он уронил себе под ноги и заявил: — Уберешь.

Жилкин кивнул. Да, он готов был прибраться в зале после Горохова, лишь бы не получить под глаз. Михаил — деловой человек, ему нельзя ходить с подпорченным лицом.

Горохов ушел, и тут же подала голос Алла. Оказывается, все это время она стояла в дверях и слушала их разговор.

— А можно я скажу, кто ты такой? — с презрительной ухмылкой спросила она.

Жилкин раздраженно поморщился, глядя на нее. И жена у него стерва, и ее брат — паразит. Оба у него на шее сидят. А еще приходится четырех телохранителей Горохова содержать. И все почему? А потому, что Павел — основатель компании «Строймен». Он деньги на развитие дал и держал над фирмой крышу. Попробуй его убедить в том, что он лишний!.. Мало того, Михаилу приходилось жить в одном с ним доме. После всего этого он плохой, а все остальные хорошие.

— Давай! Еще ты в душу плюнь!

— А кто тебе правду скажет, как не любимая жена?.. Трус ты, Миша, непроходимый. Я прямо тебе об этом говорю, без обид.

— Ты лучше братцу своему прямо и без обид скажи. Он у тебя вон какой смелый! Людей среди бела дня стреляет!

Алла приложила палец к губам, с оскорбительной ухмылкой взглянула на мужа:

— Тсс!.. А то в очередь на отстрел встанешь!

— Ты такая же сумасшедшая, как и твой братец!

— Тсс!.. Завидуй молча!

— Я завидую?! — негромко, но напористо выдал Жилкин.

Алла ничего не сказала. Она все так же перечеркивала пальцем губы и с кривой усмешкой пристально смотрела на мужа.

— Да ну тебя! — Жилкин швырнул перчатки на пол и широким шагом направился к выходу.

— Эй, а убрать за собой?

Он на мгновение притормозил, с отчаянием взмахнул рукой и с еще большим рвением продолжил путь.

«Лексус», сверкающий лаком, подъехал к будке контрольно-пропускного пункта с одной стороны, а майор Архаров подошел с другой. «Лексус» не выезжал с территории коттеджного поселка. Его владельца интересовал охранник, долговязый парень с острым носом.

Тот сам подошел к машине. Стекло опустилось, и спичечный коробок переключался из рук в руки.

Прежде чем стекло поднялось, Архаров успел разглядеть лицо водителя. Совсем еще молодой парнишка, но деловой до невозможности. К тому же еще и слегка обдолбанный. А может, и не слегка.

Кроссовер сдал назад, развернулся на сто семьдесят градусов и с ускорением помчался вдоль особняков, выстроенных в ряд. Элитный поселок, дорогое жилье.

Охранник вернулся к сторожке.

Одновременно с ним к двери подошел Архаров и осведомился:

— Знаешь, что такое закон подлости?

— А вы, извините, кто такой? — настороженно и даже возмущенно спросил долговязый.

— Закон подлости — это когда косяк есть, а спичек нет. Потом ты все-таки закурил, и тут появляется полиция. Майор Архаров, уголовный розыск!

Раскрытое удостоверение подействовало на парня, как ладанка на черта. А грозный голос — как дым из кадила.

Он испуганно шарахнулся назад, но взял себя в руки и остановился.

— Если вам нужны спички, то их нет... — растерянно пробормотал охранник.

— Отдал?

— Ага.

— Ты не спички отдал, а траву, которую скармливаешь местным мажорам. А это, если ты вдруг не знаешь, подсудное дело.

— Вы ничего не докажете!

— Поверь, мажор сдаст тебя на первом же допросе. После того, как мы траву у него найдем. Да и у тебя обыск можно провести. — Архаров многозначительно глянул на приоткрытую дверь сторожки.

— Ну и обыскивайте, — неуверенно проговорил охранник.

— А еще папаша мажора может подъехать. Чисто поговорить. У тебя кости крепкие?

Охранник поплыл, жалко хлопнул носом.

— Да ладно вам.

— Давно здесь работаешь?

— Третий год.

— Вот я и думаю, что давно. Вижу, уже успел освоиться. Жилкина Михаила Витальевича знаешь?

— Знаю. В девятнадцатом доме живет. — Охранник поднял руку, в которой находился дистанционный пульт, и нажал на кнопку.

Шлагбаум поднялся, пропустил черный «Гелендваген».

Парень подобрался, втянул живот. Майору казалось, еще чуть-чуть, и он отдаст честь.

Архаров бросил взгляд на регистрационные номера. «...01АБ». Круто, ничего не скажешь.

— Из девятнадцатого дома, — нажимая на кнопку, сказал охранник.

— Жилкин? — провожая машину взглядом, спросил Архаров.

— Нет, живет с ним. Вроде как брат жены. Крутой мужик. С охраной. Обычно выезд у него из двух «геликов». Этот «ноль-один», а другой «ноль-два». По порядку номеров считайсь!..

— Кто такой?

— Горохов его фамилия. А кто такой, не знаю. Но видно, что из авторитетных.

— Горохов, говоришь?

— Да, у меня в книге все записано. Если хотите, можете глянуть.

— Почему же не хочу?

Архарова интересовало все, что касалось Жилкина, и он зашел в сторожку.

Утро должно быть добрым, но не задалось оно у Жилкина. Жена не пожелала ему доброго утра, а любовница сразу же потащила в постель. Это после случая с Гороховым! Паразит унизил его как мужчину, а жена еще и соли на рану сыпанула.

Даша попыталась поднять его в собственных глазах, но не смогла.

— Ну, не вышло, и ладно. Не беда, с кем не бывает.

Он полусидел на диване, а она нежно, утешительно гладила его рукой по животу. Дашина голова покоилась у него на плече, а ее пышные, как одуванчик, волосы служили подушкой.

— Нервы ни к черту.

— Тем более на нервной почве.

— На голову сели, дыхнуть не дают.

— Гони их всех к черту!

— Горохова?

— Можешь начать с Аллы.

— А если я ее люблю?

— Она тебе изменяет.

— Не пойман — не вор.

Михаил догадывался, что жена ему изменяет. Более того, иногда она даже намекала на это. Но как уличить ее в обмане? Бегать за ней?.. Или, может, частных детективов нанять?

— Так ты даже не пытаешься поймать.

— А если Горохов только того и ждет? Я скандал устрою, а он застрелит меня.

— Застрелит тебя?!

— Ты плохо его знаешь.

— Зачем ему тебя убивать? Компания фактически принадлежит тебе.

— Он так не думает. К тому же Алла — моя жена. Если со мной что-то случится, то компания останется за ней.

— Перепиши завещание.

— А если Горохов меня подставит? Сдела-ет так, что я сяду лет на десять, а то и на двад-цать? Он страшный человек, с ним лучше не шутить.

— И ты стань страшным.

— Как?

— Для начала найми охрану.

— Да он сам охрана!.. Кость в горле! — Жилин резко провел рукой по шее, задел кадык и болез-ненно поморщился.

— Вот я и спрашиваю, зачем тебе такая кость в горле?

— Ну и как ее вынуть?

Даша сокрушенно вздохнула и пожала плечами.

— Чего замолчала?

— А что говорить, когда ты как тот лежачий камень. Лежишь, и вода под тебя не течет.

— Давай еще ты тут начни! — Жилкин скри-вился. — Одна пилит, еще ты давай!

Даша снова вздохнула и с сочувствием глянула на него, как на безнадежно больного.

Деньги превращаются в щебень, ссыпаются в дороги, возвращаются с прибылью, а затем сно-ва уходят в оборот. Они оставляют штрихи в от-четности, которые затем размазываются по гра-фам и строкам. За ними глаз да глаз нужен.

Михаил просматривал отчет о движении де-нежных средств, когда интерком заговорил голо-сом секретарши:

— Михаил Витальевич, к вам из полиции. Майор Архаров из уголовного розыска.

— Я же просил меня не беспокоить, — заявил Жилкин.

В тот же момент открылась дверь, и в кабинет вошел мужчина плотного сложения в стильном пиджаке, скроенном точь-в-точь по размеру. Массивная голова, крепко посаженная на сильную шею, покатые плечи, твердый шаг уверенного в себе человека. Он шел, заполняя собой пространство, давил на нервы одним только своим присутствием. Глядя на этого человека, Жилкин ощутил примерно такое же чувство беспомощности, которое обычно внушал ему Горохов.

— Извините, Михаил Витальевич, но мне придется вас побеспокоить, — сказал визитер с начальственной иронией в голосе и без приглашения сел за приставной стол.

— Вы из милиции?

— Из полиции.

— Ну да. Майор Архаров?..

— Начальник отдела уголовного розыска.

— Очень хорошо. Что вы хотели узнать? — Жилкину вдруг стало не хватать воздуха, он пальцами схватился за узел галстука.

— Я все знаю. — Архаров смотрел на него с улыбкой, но пристально, цепко.

Как будто за душу схватился в стремлении намотать ее на кулак.

— Что вы знаете?

— Вы подавали заявку на строительство дороги, которая связывает город с поселком Селезневка.

— Допустим.

— Вы проиграли тендер.

— Дело житейское.

— Да, но вы должны были выиграть.

— Не повезло.

— Бывает и так, — сказал Архаров. — Вас обошел Замятов Илья Павлович. Вы его знаете.

— Да, знаю.

— Вы с ним учились в одном институте, вместе начинали работать.

— Да, в компании «Стройфактор». Молодые, перспективные. Было время!.. А в чем, собственно, дело?

— Еще вы ухаживали за одной девушкой. Звали ее Лена.

— Ну...

— Вам тоже не повезло. Замятов и тогда вас обошел.

— В какой-то степени...

— Он женился на Елене.

— Я об этом не жалею. У меня прекрасная жена.

— И жена у вас, и бизнес, — сказал Архаров. — И общие интересы с Замятовым. На конкурентной основе.

Жилкин уронил на стол руку, немеющую от волнения, забарабанил пальцами.

— К чему вы клоните?

— К тому, что ваши деловые интересы столкнулись лоб в лоб.

— Ничего страшного. Подумаешь, дорого!.. У меня и без этого проекта работы хватает.

— Лишняя машина в гараже не помеха.

— И Лена — воспоминание давно минувших дней. Мимолетное видение.

— Возможно, ваша жена так не считает, — с едва заметной усмешкой сказал Архаров.

— Моя жена?

— Вы женаты на сестре Горохова Павла Ивановича. Знаете такого?

— Ну...

— И мы знаем. Криминальная личность, две ходки в зону. В прошлом году он освободился, поселился в вашем доме, взял под контроль фирму. Думаю, на переживания сестры ему наплевать. Его интересует успех и процветание вашей компании. Именно поэтому он помогает вам решать нестандартные вопросы необычными методами.

— Какие нестандартные вопросы? Что за методы? Я вас, признаться, не понимаю.

— А зачем вам что-то понимать, если вы все знаете?

— Что я знаю?

— Горохов! — отчеканил Архаров.

Он не щурился, не тужился, выжимая из себя силу взгляда, но Жилкин и без того чувствовал ее на себе. Архаров смотрел на него так же тяжело, как и Горохов. Паша мог убить Жилкина, а майор

Архаров — посадить его. За соучастие в убийстве. Жилкин физически ощутил, как из него выщеживается жизненная энергия.

— Что Горохов?

— Убил.

Жилкин прокашлялся, сглотнул слюну, смочил пересохшее горло.

— Кого убил?

— Замятова.

— Но это неправда.

— Я все знаю.

— Да не можете вы ничего знать!.. — Жилкин взмахнул руками как мокрая курица — крыльями.

— Знаете. И сядете в тюрьму как соучастник.

— Ну нет!

— Или как организатор убийства. Ведь это же вы заказали Замятова, не так ли?

— Я?..

— Мой вам совет, валите все на Горохова. Тогда пойдете как свидетель.

— Куда пойду?

— Это зависит от вашего решения, — ответил Архаров.

Жилкин с шумом набрал в легкие воздух, зажмурился. Действительно, проще всего свалить вину на Горохова. Тем более что не было никакого заказа на убийство. Михаил рассказал Горохову о своей проблеме, тот принял меры. Никто не просил его убивать Илью.

— Я дал вам шанс, Михаил Витальевич, — сказал Архаров. — У вас еще есть возможность им

воспользоваться. Одна минута может решить все. Когда я уйду, будет уже поздно. После того как я покину этот кабинет, за вами придут.

Жилкин подавленно кивнул. Он все понимал. Возможно, у Архарова есть доказательства, которыми он сможет прижать Горохова к стенке. Не исключено, что Паша свалит всю вину на своего зятя.

— Михаил Витальевич, время идет.

— Да-да...

А вдруг у Архарова нет никаких доказательств? Но они будут, если Жилкин оговорит своего шурина. Тогда Паша жестоко отомстит. Сначала посадит его в тюрьму. Он же настоящий хозяин в доме, как прикажет, так все и будут говорить.

Все — это его телохранители и даже Алла.

Сначала Михаила посадят, а потом убьют. У Горохова связи в криминальном мире. Он подговорит сокамерников. Те превратят жизнь арестанта в ад, вволю поизмываются над ним и прикончат.

А если все-таки Горохова посадят, то он достанет и из тюрьмы. Очень страшный человек. Если вообще может называться таковым.

— Время, Михаил Витальевич! — поторапливал Архаров.

— Да, время.

Нет, нельзя выдавать ни себя, ни Горохова. Нужно проявить характер. Давно уже пора перестать быть рохлей. Жена уже в открытую смеется, и правильно делает. Даже Даша осуждает...

- Михаил Витальевич, мне уже пора.
- Пора? — Жилкин посмотрел на Архарова.
- Время истекло.

Полицейский майор выглядел убедительно, но это называется хорошей миной при плохой игре. Не было у него ничего против Горохова, но он сумел нащупать слабую струнку в душе у Михаила и потянуть за нее. Еще чуть-чуть, и вытащил бы правду.

— Истекло, говорите? — Жилкин усмехнулся, восхищаясь мастерством собеседника.

Что ни говори, а умеют менты давить на психику. Но и Михаил Жилкин не лыком шит.

— Истекло.

— Ну что ж, не смею вас задерживать.

Архаров поднялся, шагнул к двери. Михаил невольно потянулся за ним. Вдруг у майора действительно есть козыри, которыми он перебьет игру Горохова? Пойдет сейчас к нему и покроет его карту, а Михаил останется крайним?..

А если нет никаких козырей? Вдруг все это блеф, жертвой которого предлагается стать Михаилу?

Жилкин опустил в кресло.

В этот момент Архаров повернулся, глянул на него со снисходительной усмешкой, положил на стол визитную карточку и проговорил:

— Я понимаю, Горохов держит вас на привязи, но, возможно, у вас хватит смелости оборвать этот поводок. До завтра у вас еще есть время. Позвоните мне, когда одумаетесь. Так уж и быть, оформлю вам явку с повинной. А если не одума-

етесь!.. Человек — кузнец своего счастья. Если он не наковальня.

Архаров ушел, а Жилкин схватился за голову и застонал. Скорее всего, он только что совершил роковую ошибку, которая разрушит его жизнь. Но нельзя бежать за ментом, кланяться ему в ножки. Как же удержать себя на месте?

Глава 2

Салат с жареной перепелкой, инжиром и облепиховым соусом, на первое — суп из осетрины, на второе — стейк из мраморной вырезки. Все вкусно, пальчики оближешь, но Марина совершенно не впечатлена. Ковыряется вилкой в салате с таким видом, как будто переживает об убитой птичке. А к супу даже не притронулась, хотя вряд ли ее волнует судьба осетра, сваренного в нем.

— Я смотрю, ты ничего не ешь, Мариночка. — Горохов улыбнулся. — Аппетита нет?

— Да, наверное, — смущенно проговорила девушка.

— Со мной-то понятно. — Горохов отставил в сторону пустую тарелку из-под супа. — Я аппетит от любви потерял.

— Так уж и от любви? — Марина наклонила голову и с робким весельем глянула на него.

Не красавица, но симпатичная, миленькая. Впрочем, будь она моделью, Паша все равно не стал бы строить на нее долгосрочные планы. Да, ему тридцать семь лет, возраст у него, но жениться

он не собирается. Зачем лезть в кабалу, когда вокруг столько женщин?

Марина — всего лишь одна из них. Она уже не юная девица, двадцать два года ей стукнуло. С мужиком в постели побывала. Так что не надо себя ни в чем корить. И перед ее братом оправдания искать не стоит. Тем более что Костя сам перед ним в долгу.

— От любви, Мариночка. Это у вас, у женщин, все просто, а мы, мужчины, натуры нежные. Я от любви, Мариночка, все потерял — и голову, и покой, и сон.

— Я думала, что «нежная натура» — это про женщин.

— Неужели и ты от любви аппетит потеряла?

— Может, и от любви. У меня жених есть, я его жду.

— Если бы твой Никита тебя любил, то не уехал бы далеко.

— Никита уехал, чтобы заработать на свадьбу.

— А дальше что? Заработает на свадьбу, женится и обратно в свою Тюмень? Так и будете жить от вахты к вахте?

— Ничего страшного.

— Очень хорошо! Ты его ждешь здесь, а он там с поварихой колбасу жарит.

Марина изменилась в лице, положила вилку, взяла салфетку.

— Мне уже пора!

Паше пришлось поднять руки. Он не привык выбрасывать белый флаг перед мужчинами, но

перед женщинами — святое дело. Правда, и ревки из себя он вить им не позволял.

— Мариночка, ну прости ты меня, старого дурака! Это все ревность, дорогая моя. Как подумаю, что этот Никита тебя обнимал!..

— А вы не ревнуйте. — Марина снова наклонила голову, но уже в другую сторону.

— Как же не ревновать!

— И не такой уж вы и старый.

— А почему на «вы»? Разве ты с Костей на «вы» разговариваешь?

— Нет, конечно, на «ты».

— Мы с твоим братом в одном классе учились, а ты со мной на «вы».

— Костя вас знает, а я — не очень.

— Зато я тебя давно знаю. Ты еще пешком под стол ходила. Не скажу, что была гадким утенком, но точно стала белым лебедем. Мне надо было тебя увидеть после долгой разлуки...

— Мы с вами не разлучались.

— Ну вот, снова «вы». Я разлучался с этим миром. — Горохов обвел рукой зал ресторана.

— Вы сидели? — с чувством неловкости спросила она.

— Нет, Мариночка, я работал. На производстве. Бревна на доски резал. Непростое это дело, особенно в холодных краях. — Горохов недовольно посмотрел на Марину.

Не стоило ей задавать столь глупый вопрос. По первому разу он отмотал четыре года, по второму — пять. Всего получается девять лет, вы-

черкнутых из жизни. Нет, он не жалуется, но стремится наверстать упущенное, потому и живет сейчас полной жизнью. И в махровый криминал пока не лезет, присматривается, принюхивается. Так, грохнул одного козла, чисто Жилкина запугать. Чтобы от рук не отбивался.

— Больше я на такую работу, Мариночка, ни ногой. Хорошо себя вести буду. Если ты возьмешь меня на воспитание.

— Я?! Вас?! На воспитание?

— Не «вас», Мариночка, а «тебя».

— Но я не могу взять вас... тебя на воспитание.

— А ты попробуй поговорить со мной наедине.

— А разве мы сейчас не наедине? — Марина демонстративно оглянулась по сторонам.

— Наедине — это когда вокруг никого нет. Ты, Мариночка, вдохновляешь меня на подвиги, возбуждаешь во мне... мечты. Я знаю одно уютное место, где ты сможешь провести со мной воспитательную беседу.

Марина возмущенно скомкала в руке бумажную салфетку и бросила ее на стол.

— Что вы такое говорите?

— А что я такое говорю?

— Вы со мной так себя ведете, как будто я какая-то дурочка несмышленная, ничего не понимаю.

— А ты понимаешь?

— А я понимаю!

— Вот и я говорю, что ты уже взрослая девочка. О любви с тобой можно говорить во весь го-

лос. Я люблю тебя, Мариночка, и хочу!.. Теперь ты не скажешь, что я разговариваю с тобой, как с какой-то дурочкой?

— Скажу, что мне уже пора! — Марина поднялась со своего места.

Горохов промолчал. Он готов был сдаться Марине, но не здесь, а в постели, до которой всего пара шагов. Чтобы пройти этот путь, сейчас Павел должен был отступить. Пусть Марина уходит и на досуге подумает над своим поведением. Она обязательно примет правильное решение и позвонит ему. Тогда они вместе сделают два последних шага.

Марина заторможенно шагнула к выходу. Она ждала, что Горохов ее остановит, но этого не произошло.

Она ушла, а минут через пять у него в кармане зазвонил телефон. Он хитро улыбнулся, вынимая аппарат. На дисплее должно было высветиться имя «Марина», но, как оказалось, на разговор Павла вызывал Жилкин.

Ирония судьбы, издевательство над здравым смыслом!.. Горохов ничем серьезным не занимался, денег не зарабатывал, но служба безопасности у него на высоте. Четыре телохранителя, два дорогих «Гелендвагена», навороченный радиосканер для поиска «жучков» — и все это удовольствие за счет Михаила. Попробуй скажи что-нибудь против.

Телохранитель Тюлень со сканером в руке обошел весь кабинет и покинул его, уступил место Горохову.

— Мент, сука, зверь хитрый!.. — Горохов подошел к Михаилу, со спокойным барским недовольством глянул на него сверху вниз.

Жилкин кивнул и освободил ему место за своим рабочим столом.

Горохов сел, развалился в кресле, достал сигарету.

— Ментам, говорю, доверять нельзя. Разведут клопов на ровном месте, выкручивайся потом. Или пушку завезут...

— Какую пушку?

— О чем разговор был? — шелкнув зажигалкой, спросил Горохов.

— О том, что ты Замятова убил.

— Труп нашли?

— Не знаю.

— Не могли они его найти. Нет трупа.

— Архаров сказал, что все знает. Мол, Илью из-за тендера убили.

— Илья пострадал из-за собственной глупости, так что не прав мент.

— Его же убили.

— Ага, из пушки, которую менты подвезли. На пушку тебя, Миша, взяли. Как последнего лоха.

— Не взяли. Я ничего не сказал.

— Но в штаны навалил.

— Я говорил, что ничего не знаю.

— А ничего и не было.

— Вот и я говорю, что не было.

— А если ты все-таки раскололся?